

только она можетъ представить ему хорошаго. Онъ можетъ и любить ближняго, и дѣлать ему добро, и быть честнымъ, но это потому, что вѣншее благоустройство и личное спокойствіе того требуютъ: вѣдъ лучше, чтобы люди жили въ мирѣ, а не ссорились; лучше, чтобы люди поступали по законамъ чести и справедливости, чѣмъ обманывали бы и притѣсняли другъ друга, и т. д. Но все это было бы только средствомъ, а не цѣлью. Наконецъ, человѣкъ можетъ быть искренно добродѣтельнымъ и по истинѣ любвеобильнымъ, но безсознательно—такъ ужъ печь печетъ! И такая жизнь не имѣла-бы ни цѣли, ни смысла.

Сколько не натягивай этотъ способъ пониманія жизни, человѣкъ есть не что иное, какъ высшее животное. Конецъ ихъ одинаковъ и вѣчное движеніе продолжаетъ одинаково работать послѣ исчезновенія того и другого. Можно и про животнаго сказать, что оно никогда не умретъ, потому что «никогда не рождалось, а всегда было есть и будетъ» (стр. 315). При такомъ взглядѣ на жизнь нѣтъ болѣе мѣста для религіи; нравственные начала, нравственные идеалы не могутъ и не должны существовать. Они должны замѣниться высшимъ для животнаго закономъ. Этотъ законъ теперь формулируется словами: *борьба за существованіе*. Во свѣтѣ этого закона кто другого сильнѣе, умнѣе, искуснѣе, тотъ и правъ и разумень. вмѣсто любви къ ближнему